

Нань Чуцин молча выслушала её, и лишь когда Чжао Цзянсюэ закончила, тихо произнесла:

— Я поняла.

Поняла что?

Чжао Цзянсюэ окончательно растерялась. Она не понимала, что у той на уме, и не знала, как реагировать. Охваченная тревогой, она с опаской покосилась на начальницу.

Заметив её страх, Нань Чуцин мягко улыбнулась. От этого Чжао Цзянсюэ стало ещё страшнее: неужели эта ледяная дева решила улыбнуться?

Конечно, Нань Чуцин вовсе не была угрюмой. Напротив, она умела поддержать беседу и обладала редким даром находить общий язык с кем угодно, заставляя собеседников чувствовать себя легко и непринужденно. Как руководитель она была безупречна, и каждый, кому доводилось с ней работать, отзывался о ней с восхищением.

Однако это касалось лишь общения с равными по статусу. С подчинёнными Нань Чуцин вела себя иначе. Она была строга, пусть и не деспотична. В отличие от современных начальников, она не стремилась и не желала панибратства, не запрещала, но и не позволяла переходить границы. Обычно она держала дистанцию, всем своим видом демонстрируя авторитет руководителя.

И хотя её улыбка была по-своему очаровательна, она заставляла сердце Чжао Цзянсюэ сжиматься от недоброго предчувствия.

— Есть ещё вопросы? — снова спросила Нань Чуцин.

Чжао Цзянсюэ яростно замотала головой. Неужели она собирается на кого-то настучать? Или хочет её подставить? Только бы не увольнение с выплатой компенсации!

Она была наслышана о том, что богачам проще раздавить человека, чем муравья. Когда она уходила из той игровой компании, ей угрожали, что сделают всё, чтобы она не смогла больше работать в этой индустрии, и они действительно сдержали слово.

Чем больше Чжао Цзянсюэ узнавала об этом мире, тем меньше оставалось в ней уверенности.

Она пролепетала:

— Босс...

Нань Чуцин заговорила в тот же миг:

— Переезжай обратно.

Слова Чжао Цзянсюэ застряли в горле. Её мозг лихорадочно заработал, она недоуменно переспросила:

— А?

Нань Чуцин больше ничего не сказала, отвернулась и сосредоточилась на дороге.

— Поспи немного, приедем — разбужу. — Её чистый голос звучал мягко и приятно.

Чжао Цзянсюэ нахмурилась, глядя на неё, и спустя долгое время вздохнула:

— Босс, вы хотите меня уволить?

— М? С чего ты взяла?

— Я просто... немного бестолковая. Никак не могу понять ваш характер и не знаю, что у вас на уме.

— Ты же задала вопрос, — спокойно ответила Нань Чуцин. — Я просто помогаю тебе его решить.

Не может быть, подумала Чжао Цзянсюэ, не в силах поверить в происходящее. Неужели ей встретился тот самый редкий, идеальный босс, которых не бывает в природе? Это невозможно, разве капиталисты бывают такими добрыми?

Чжао Цзянсюэ нахмурилась, глядя на дорогу перед собой:

— И куда мы сейчас едем?

— В общежитие для сотрудников, заберем твои вещи.

Она не шутит! В голове Чжао Цзянсюэ словно вспыхнул фейерверк, а на душе стало тепло и радостно. Она была глубоко тронута. С тех пор как она уволилась, в её жизни не происходило ничего хорошего. Поистине, за бедой приходит удача, а за удачей — беда.

Она украдкой взглянула на Нань Чуцин, сосредоточенно ведущую машину. Может быть, все неприятности были лишь для того, чтобы она встретила её? Может, она и есть её удача?

Всю дорогу Чжао Цзянсюэ пыталась убедить себя в этом, и образ Нань Чуцин в её глазах внезапно стал величественным и прекрасным.

Нань Чуцин же, напротив, остро ощущала странность собственного поведения. Всегда она считала, что платить деньги за работу — это естественный порядок вещей, и если кто-то увольняется из-за своих проблем, значит, у них просто не хватило способностей. Она никогда не меняла своих принципов из-за подобных мелочей.

Однако Чжао Цзянсюэ была другой.

Когда она увидела, как та уснула у окна, она разозлилась. Когда поняла, что на неё засматриваются другие, она занервничала. И, движимая этим раздражением и тревогой, совершила нерациональный поступок — забрала её к себе в машину.

А когда та закатила глаза, первой реакцией Нань Чуцин, помимо удивления, было вовсе не негодование, а мысль о том, что это даже мило! И когда она предложила ей переехать обратно, она почувствовала странную радость, словно давно хотела вернуть её, просто не находила подходящего предложения.

Как она вела себя раньше?

Они были знакомы недолго, и их отношения нельзя было назвать даже дружескими — только строгая субординация, чисто деловое сотрудничество.

Если бы она увидела, что её сотрудник подвергает себя опасности, то, во-первых, связалась бы с отделом кадров, чтобы те пресекли подобное поведение. Если бы ситуация была критической, она бы лично сделала замечание. Учитывая обстоятельства, она могла бы подвезти человека до дома, но ни за что не пригласила бы его жить к себе.

Она могла бы купить сотруднику машину или снять жилье поблизости, но никогда не позволила бы кому-то поселиться в её собственном доме!

Но Чжао Цзянсюэ была другой. Она походила на редкую золотистую бабочку, которая присела на мгновение и упорхнула. И хотя она не оставила после себя следов, ты невольно продолжал смотреть туда, где она была. Даже когда ощущение исчезало, ты не мог забыть, что такая особенная бабочка когда-то касалась тебя, и то место, где она сидела, навсегда становилось иным.

Это незнакомое чувство вызывало у Нань Чуцин раздражение, а крошечная крупица радости, зародившаяся где-то в глубине души, — и вовсе выводила из себя.

На удивление, всю дорогу горел зелёный свет, словно даже небеса одобряли её действия.

<http://bllate.org/book/22463/2363264>